

ЗИНАИДА ГИППИУС

ПОБЕДИТЕЛИ

Зинаида Николаевна Гиппиус

Победители

Аннотация

«Накануне отъезда в Лугу Юрий Иванович Карышев, перебирая вещи, нашел несколько желтых тетрадок своего дневника. Дневник был заброшен давно, кое-какие листки выпали, растерялись, иные страницы, написанные скверным карандашом, почти совсем стерлись. Но Юрий Иванович принялся разбирать все с любовью и осторожностью, какая является только при чтении своего, – и так увлекся, что просидел над растрепанными тетрадками почти всю ночь. А когда кончил, то решил засунуть дневник в чемодан, чтобы в Луге, на летней свободе, перечитать его опять. Записки были ведены всего три года – три зимы, скорее, а последняя строка была написана всего за четыре года. Но Юрию Ивановичу этот промежуток времени казался необыкновенно длинным, и он знал, что это оттого, что он очень молод...»

Содержание

Часть первая	4
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Зинаида Гиппиус

Победители

Часть первая

I

Накануне отъезда в Лугу Юрий Иванович Карышев, перебирая вещи, нашел несколько желтых тетрадок своего дневника. Дневник был заброшен давно, кое-какие листки выпали, растерялись, иные страницы, написанные скверным карандашом, почти совсем стерлись. Но Юрий Иванович принялся разбирать все с любовью и осторожностью, какая является только при чтении своего, – и так увлекся, что просидел над растрепанными тетрадками почти всю ночь. А когда кончил, то решил засунуть дневник в чемодан, чтобы в Луге, на летней свободе, перечитать его опять. Записки были ведены всего три года – три зимы, скорее, а последняя строка была написана всего за четыре года. Но Юрию Ивановичу этот промежуток времени казался необыкновенно длинным, и он знал, что это оттого, что он очень молод.

Дневник Юрия Ивановича велся искренне и откровенно. Вот он:

5 сентября, 89 г. г. С-поль

Итак – мы в восьмом классе. Шутка ли: девятый год в пансионе! Еще этот девятый годик, и прости – прощай! Вздумал вести записки аккуратнее, чем прошлые годы. Кстати же те семиклассные, пятиклассные дневники куда-то пропали. Да и глупо они писались. Наша пансионская жизнь, нравы закрытого учебного заведения – вот что интересно. А я разводил какие-то небесные миндали. Надеюсь, эти записки не покажутся потом глупыми. Однако в сторону.

Все наши, сиречь *discipuli octavae classis*¹, страшно поважнели: не шутите, мол, – старшие из старших. Изменились все после каникул до неузнаваемости: степенность напустили, серьезность. Особенно наши пансионеры, «козлы», как их называют испокон веков в отличие от приходящих, «вольняжек», которых называют также «баранами». Вольняжек мы недолюбливаем и держимся от них в стороне. Между пансионерами же своими царит один дух.

Послушать только, какие у нас умные разговоры теперь ведутся!

– Согласен ли ты с мнением Белинского, относительно Соллогуба?

– Как тебе кажется, прав или не прав Щедрин в своих сатирах?

– Да, господа! Значение классических языков важно!

¹ ученики восьмого класса (*лат.*).

Они – вторые воспитатели молодежи после родителей!

Просто удивляешься, откуда что берется? Уж не пробуждение ли после семилетней спячки? Пора бы, только жаль, что начало отзывается шаблонностью.

Преподаватели тоже слегка изменили тактику. Менее строго спрашивают, допускают посторонние вопросы. Воспитатели относятся с внешним уважением (до первого случая, верно, особенно «Лысый» и «Мопс»), позволяют себе фривольные разговоры, двусмысленности, откровенней корят начальство. Дядьки даже пересаливают в почтительности.

Да, мы у цели накануне окончания курса. Что будет, что ждать? И я задумываюсь об этом, но... логически решить, с ясностью, «кто я буду, что выберу» – пока не желаю. Гораздо заманчивей помечтать об этом в туманных образах, строить воздушные замки... Время еще есть. А пробьет час, – зевать не будем. Не таков мой характер. Говорят, что я родился в сорочке. Неправда. Думается мне, – скорее я в состоянии родить эту сорочку. Мне все удастся... – Да, но оттого, что я не колеблюсь исполнить, раз что-нибудь задумал. Богатство... Богатство у нас было. Отец мой занимал важный пост: я еще помню, как в тумане, правда, что я, совсем маленьким, путешествовал с отцом по караногайским степям, по аулам, где отца моего встречали со всевозможною роскошью и пышностью, как представителя великого русского царя. Также туманно помню я и путешествие по Каспийскому

моря с матерью, рано умершею, пребывание наше у директора каспийского пароходства... Отец мой сам начал мое воспитание. Между прочим, он занимался со мной ботаникой и зоологией. В семь лет я уже был обладателем прекрасного гербария, зоологической коллекции и писал безошибочно и со смыслом переложения из Пушкина, Тургенева и Толстого... Больше половины Тургенева и Лермонтова я знал наизусть, Алексеем Толстым увлекался. Я стал учиться рисованию и латинскому языку, говорил по-французски... В восемь лет я взялся за скрипку... На девятом году я блистательно выдержал экзамен в первый класс С-польской гимназии и, по воле отца, поступил туда пансионером. Отец внезапно умер. Все пошло прахом. От богатства остались жалкие крохи. У меня лично нет ни копейки: я отказался от своих сорока тысяч в пользу младшего брата (он тоже в нашей гимназии, во втором классе). Брат сирота, молод, ему, может быть, нужна поддержка. Мой же девиз: «Не унывай, сам счастье добывай!» Да и разве сорок тысяч деньги?

У меня титулованная родня, но я за малыми исключениями почти со всеми на ножах... хотя меня все-таки все любят.

Да и что мне дала эта титулованная родня? Ничего. И ничего я не возьму от нее. Протекции мне не надо, – добьюсь всего сам.

Однако я записался, а еще алгебру учить. Скоро звонок к чаю. «Лысого» воспитателя нет в классе, но как-то не шумно. Кто занимается, кто читает роман. Чаплин спит, поло-

жив голову на руку. Елисейев (мой друг или враг?) опять углубился в Гомера, а порою поднимает свои круглые, выпуклые черные глаза и пристально глядит на лампу. Ничего в лампе нет интересного: обыкновенная классная лампа с плоским абажуром горит тускло и при этом тихонько и однообразно жужжит. Странный этот Елисейев, я его не понимаю пока. Он у нас недавно, перевелся из – ской гимназии только в конце прошлого года, значит, в седьмой класс. Мать опять переехала в Петербург, а он к нам пенсионером. Говорят, он и в – ске недолго учился, а из Петербурга. Круглое, смугло-бледное лицо. Улыбается скверно. Говорит мало с кем, половина класса с ним на «вы», – а товарищ хороший. Если учинить тихую гадость кому-нибудь, – он первый. Думаю, строит из себя пророка. Читает «Илиаду» и вдохновенно смотрит. Мы, было, как-то столкнулись на узенькой дорожке, начался крупный разговор, но, вдруг, он порвал и отошел. Трус, что ли? А человек, во всяком случае, начитанный. Говорят, у него кузина хорошенькая, недавно приехала в наш город. Коли не познакомит, сам доберусь. Говорит Елисейев чаще всего с Яшей. Вот они сидят рядом, молча теперь. Елисейев в Гомере, только черная голова, стриженная, видна, а Яша лежит головой на парте, смотрит в потолок и тихонько выводит «Господи воззвах» на третий глас. Яшу я люблю. Он... Увы, звонок! Приходится отложить о Яше на следующий раз. Алгебру так и не выучил.

26 сентября

Объяснялся с нашим «Лысым». Напал он на мальчонка, шалун отчаянный, да малютка ведь. Третий день ест одно первое блюдо, голоден, ну, я властью «старшего» (у нас за каждым столом сидят по двое «старших») решил, что довольно ему голодать, и позволил обедать наравне с другими. Обрадовался малый. После обеда спрашивает его «Лысый»:

– Ты оставался без двух блюд?

– Нет.

– Кто твой старший?

Тот называет меня по имени и отчеству, потому что все малыши меня любят и так зовут. Вскипел «Лысый» и подлетает ко мне.

– Вы Юрий Иванович?

– Я, – говорю.

– Какой же вы Юрий Иванович? В пансионе вы Карышев!

– Этого, – говорю, – в правилах нет, что у пансионера отнимается имя и отчество.

– Будьте осторожны! Не забывайте, с кем говорите!

– Прекрасно помню: с окончившим курс уездного училища, ныне исправляющим должность помощника воспитателя.

Помертвел «Лысый».

– Вы сами без обеда будете!

– Ошибаетесь: восьмой класс без обеда не оставляют.

Здесь не уездное училище, голодом нравственность не при-

вивают.

Совсем расхотелся «Лысый», кричал, кричал, все грехи мне вспомнил. И то неладно, и с дядьками-то я обращаюсь, как командир...

– Не привык, – говорю, – иначе обращаться.

– Вы должны их уважать, они ваши воспитатели...

– Солдаты воспитывают молодое поколение? Да? Хорошо! Да ведь это бурбоны, которые мне за двугривенный делают что угодно!

Так и отъехал «Лысый» ни с чем, обозвав меня напоследок «либералом».

Они считают меня либералом, потому что я не позволяю обращаться с собой так, как они обращаются с другими. Я на дерзость отвечаю дерзостью, но не грубой, а обличенной в приличную одежду: выходит и хорошо, и сильно.

Директор знает это, но знает тоже, что меня не переупрямишь. Без отпуска меня довольно трудно оставлять. Я хожу к Николаю Александровичу, моему родственнику, здешнему губернатору, почетному попечителю нашей гимназии. Как несчастье, сейчас ему письмо, – выручайте. Приезжает сам к директору. Ну, губернатору-то не очень откажешь.

Довольно весело бывает по субботам. Пляшем вовсю. Кузины, с которыми я приятель, ухаживают за мной наперерыв. Елисеев тоже бывает у Николая Александровича (оказывается, его мать хороша с ним, а я и не знал), но только на вечерах, а ночевать возвращается в пансион. Не понимаю все-та-

ки, что ему за удовольствие присутствовать на этих вечерах? Он не танцует, смотрит на барышень либо с презрительной гримасой, либо говорит им такие дикие вещи, что они в ужасе отскакивают. Вообще, его боятся, но уважают, потому что он непонятен. Старик какой-то. Молодость в нем не кипит ключом, как в нас. Мы готовы всю ночь отплясывать, пить, есть, а назавтра, свежие, бодрые, опять за дело!

Впрочем, хотя с Елисеевым мы в холодных отношениях, я чувствую, что из всего класса он один мне по плечу. Будь другие обстоятельства, может, мы и столкнулись бы. У меня нет друзей. У меня есть приятели, все приятели, в классе я коновод, – и больше ничего. Да и кто мог бы стать моим другом? Чаплин? Славный малый. Увалень немного, но прилежный. Жаль, «идей» слишком много в голове. Яша? Этого я люблю. Но не его же взять в друзья!

15 октября

Все идет своим чередом. Учимся, гуляем, надуваем «педагогов» и удивляем дядек каверзностью измышлений. Эх, хорошая штука молодость и товарищество! Я нахожу, что в пансионе, как нигде, развивается благотворный дух товарищества.

Скоро литературно-музыкальный вечер. Одно огорчение с этими вечерами. Кому устраивать придется? Очевидно, мне. Директор находит, что удаются только те вечера, которые устраиваю я.

Сегодня Яша получил письмо с Афона. Читал мне выдержки и чуть не плакал от умиления. Яша парень тихий, безобидный, и наружность у него вся тихая: белые волосы прилизаны, руки держит, как священники под эпитрахилью, говорит тоненьким, жалостливым голосом.

Любит чистоту, «лепоту» и опрятность. Скопидомен до скупости, отчего его зовут иногда Яша-жид. С товарищами-однокашниками мало сходится, а выбирает младших. Часто гуляет один, чтобы помечтать о божественном или помурлыкать канонные песни, а то «Господи воззвах», причем третий глас ему особенно нравится. Когда на него не смотрят, он открывает апостольские послания и пробует читать басом. Ведет обширную переписку с монастырями. Когда увлекается, любит проповедовать божественное неверующим. Елисеев, его сосед, смотрит на него с презрительной снисходительностью, но никогда не обижает. Думается, будет Яша священствовать. А впрочем, кто его знает? Пожалуй, «надует Бога». Светских разговоров Яша не любит, барышень не выносит, – впрочем, злые языки говорят, что он влюблен в горничную директора, бабу пудов восьми.

Чаплин говорит, что во вторник пойдем в театр. Удери оттуда, как прошлый раз. Вот ловко вышло! Нас четверо дядек водят по счету и там становятся один в коридоре, другой у буфета, третий и четвертый в дверях... Казалось бы, не уйдешь! А ухитряемся. Тот раз я встретил знакомых юнкеров. Нарядили в бурку, в папаху и в своей толпе провели мимо

дядек. Таким же манером и назад к концу спектакля. Удастся ли на этот раз?

1 ноября

Вот история-то! Был в театре два раза (раскрутилось наше начальство!). Первый раз не думал о побеге, пьеса была интересная, а второй... Вторым раз я и пошел только для того, чтобы удрать. Четверг день Томилиной... единственный случай, когда можно попасть было к ней из пансионской тюрьмы. Она меня сильно звала... да и самого меня тянет к ней, надо сказать правду. А давно ли познакомились? Недели полторы тому назад, не больше. На вечере у Николая Александровича. Томилина – кузина Елисеева. То есть не она, а ее муж ему двоюродный брат. Вот субъект! Не могу понять, как такая женщина могла выйти за этого бурбона. Армейский офицер, грубый, полуобразованный, с вечно пьяными глазами и хриплым голосом. Говорят, он еще год тому назад был красив, а теперь пьет не в меру и каждую минуту готов на дебош. Николай Александрович не принимал бы его, если б не жена. Софья Васильевна из хорошей семьи, имеет средства, была на курсах. Не влюблен ли Елисеев в кузину? Нет, впрочем, не похоже. Но расскажу все по порядку, что случилось со мною за эти знаменательные две недели. Вижу, однако, что я более занимаюсь личными делами, чем описанием нравов пансиона. Не беда! Пишу, что хочется. В дневнике прежде всего – свобода.

В пятницу, как раз накануне той субботы, тоже происшествие. Во время большой перемены получаю письмо. Рука незнакомая. Читаю – и не верю. Тетушка приехала и просит прийти. Что-нибудь особенное вышло: *madame la comtesse*² тяжела на подъем. Пишет ее экономка, приживалка, вернее. *Ma tante*³ ведь с целой свитой ездит.

«Лондон». Наша гостиница так себе. Тетушка заняла номер в бельэтаже, три комнаты, приемная посередине. Уж по всему дивану подушки и подушечки разных колеров и фасонов. Лоло спит в уголку, пахнет не то мятой, не то камфарой, не то какими-то престарелыми духами. Две приживалки разматывают шерсть.

Сама так же величественна: удивленные черные брови, растянутая речь, серые букли из-под кружев...

Конечно, я к ручке, а она меня в лоб.

– Как ваше здоровье, *ma tante*?

– Плохо...

Промычал что-то соболезнующее. Изволили осведомиться об успехах.

– Ничего, – говорю.

– Как ничего? Должно быть не ничего, а хорошо!

– Хорошо.

– Ну то-то.

Изволили гнев на милость переложить. Благодарил за уча-

² мадам графиня (*фр.*).

³ моя тетушка (*фр.*).

стие – и я опять к ручке. Спрашивали о брате – нездоров, отвечаю, в лазарете.

Затем m-me la comtesse изволили осведомиться о жизни.

– Скучно, – говорю. Батюшки, опять не попал!

– Делом, значит, не занимается, сударь! Опять нотация – опять к ручке.

– Куда ходишь в отпуск? Сказал. Остались довольны.

– Денег много тратишь? Долги есть?

– Есть, – говорю, – и жду нахлобучки – нет, ничего. При прощании дали сторублевку.

Молодец тетушка! А я даже не спросил, по каким делам она сюда приехала.

Решил в воскресенье пригласить товарищей в «Северную» пообедать. Зову Елисеева. Улыбнулся, еле-еле промычал что-то, отказ, вероятно, потому что потом не пришел, – и вдруг говорит:

– А завтра у губернатора на вечере будете?

– У Николая Александровича? Конечно. А вы?

– Я буду. Моя кузина, Софи Томилина, тоже будет. Советую познакомиться. Очень изящное существо. Впрочем, как на чей взгляд, – прибавил он торопливо и холодно взглянул на меня. – Она не красива.

Я пожал плечами и отошел. Посмотрим эту изящную некрасивость. Если изящно, разберем, не сомневайтесь, господин Елисеев! Труда особенного нет.

Прихожу к Николаю Александровичу, – эге, вечер-то нын-

че en grand⁴. Кузины с обеда заперлись в своих комнатах, – одеваются. Музыка настоящая – не тапер. Хоромы губернаторские – одно сиянье. Растений привезли из оранжереи. Бал. Ну, думаю, постоим за себя. Я очень молод, и не только не огорчаюсь, – но радуюсь этому. Молодость – великая вещь. Вся сила в молодости. Мне даже не нравится, что я на вид кажусь старше своих лет, совершенно взрослым. Pinsepез⁵ – я немного близорук – придает мне даже какую-то, несвойственную моему характеру, солидность. Чаплин, у которого нет на лице никакой растительности, завидует моим усам. А я нахожу, что они слишком густы для моих девятнадцати лет. Юношеская нежность лица бывает особенно привлекательна.

Съезжались гости. Кавалеров было не особенно густо, два-три офицера, молодой чиновник, – а то все больше из наших. Несколько семиклассников даже, половчее. Пришел и Елисеев. Я было хотел подойти к нему, но он тотчас же пробрался в угол и уселся под пальму, приняв созерцательный вид.

Я танцевал без устали, сажал одну даму, брал другую и совсем забыл о предстоящем мне новом знакомстве. Но вдруг, кончив один тур вальса и отирая лоб платком, я случайно заметил в дверях гостиной незнакомую женскую фигуру в светло-сером платье. Дама эта стояла ко мне спиной и разго-

⁴ на широкую ногу (*фр.*).

⁵ пенсне (*фр.*).

варивала с губернаторшей. Не знаю почему, но я сейчас же догадался, что это Томилина, и сделал шаг к дверям. Знакомиться – так знакомиться! У меня не было ни малейшего чувства стесненности: я с удовольствием думал, что хорошо показать этой петербургской даме, курсистке, что и наш город не одними медведями заселен.

– А вот вам и кавалер! – сказала губернаторша, добрейшая Анна Львовна, видимо продолжая начатый разговор и указывая на меня.

Дама в сером платье обернулась и взглянула на меня.

Я тоже посмотрел на нее прямо, как я умею смотреть, чтобы сразу все заметить и оценить.

Я тотчас же внутренне согласился с Елисеевым в определении этой женщины. Он, очевидно, не глупый человек, Елисеев. Но, конечно, я и без его определений и предупреждений понял бы Томилину. Она, действительно, некрасива и чрезвычайно изящна. Молода, на вид ей не больше двадцати двух лет, лицо бледное, хотя не смуглое, узкое с острым подбородком. Серые глаза, красивые, приподнятые к вискам, как у китайнок. Рот тоже недурен, немного велик для узенького лица, хотя губы свежие, бледно-розовые. Лицо слегка портит нос, чуть-чуть длинноватый, и общая неправильность черт. Каждый, проходя мимо, сказал бы: «Какое интересное лицо, хотя и некрасивое». Действительно, хорошенькой Томилину никак нельзя назвать. К тому же она, при очень высоком росте, худа почти до костлявости, тонкая, но

плоская. И странно, что при всем этом первое, что в ней поражает, – женственность. Ни мягких движений, ни округлости плеч, а между тем вся она – воплощенная женственность. Это я тотчас же заметил и это меня к ней больше всего привлекло.

– Я не так одета, чтобы танцевать, – сказала Томилина. – Я не знала.

Голос у нее оказался низкий, грудной, бархатный, один из тех женских голосов-контральто, которые мне особенно нравятся. Я с улыбкой взглянул на ее серое платье, закрытое, правда, но легкое и свежее, с кружевным корсажем, на гранатовый цветок в темных волосах, причесанных вниз, очень просто, и проговорил:

– Право, ваш туалет более пригоден для вальса, чем хотя бы этот, например...

И я указал глазами на проходившую мимо нас толстую и красную даму в неуклюже сшитом розовом платье.

Томилина весело улыбнулась, положила руку на мое плечо, и мы пошли вальсировать.

Мы танцевали вместе следующую кадрили, потом котильон, потом мазурку. Не помню, о чем мы болтали, но мне ни секунды не было скучно, и я любовался, как она, смеясь, закидывает голову наверх, обнажая пышные сборки кружев у ворота. Смеется она так же мелодично, как говорит.

Зашла речь об Елисееве.

– Саша? – спросила Томилина. – Вы его хорошо знаете?

Я – нет. С ним нужно долго говорить, чтобы заставить его высказаться. А у меня нет терпения.

Решительно, она слишком молода, это ее единственный недостаток. Слишком молодая женщина не может быть очень интересна, щенок всегда хуже взрослой собаки. Все-таки я тогда же решил ухаживать. Тем более что у меня были сомнения: не смеется ли она так и не болтает ли о пустяках, считая меня слишком юным, мальчиком? Следовало убедиться.

Мужа увидел к концу вечера, на третьем взводе. Как он ей не отвратителен, не понимаю! Она, впрочем, заметив его в танцевальной зале, смолкла, сделалась серьезна и скоро уехала, увезя свое сокровище. Мне сделалось скучно, танцевать расхотелось, я стал искать глазами Елисеева, чтобы подсесть к нему, но Елисеева не было.

На другой день мы пообедали с товарищами в «Северной». Елисеев не пришел, да и черт с ним. Было много шума. От тетушкиной радужной осталось всего тридцать рублей. Эх, где наше не пропадало!

Всю неделю преследовали меня несчастья. В четверг из театра удрал к Томилиной. Увлекся, проболтали до одиннадцати, в театр вернуться не успел.

Весь день нынче жду грозы. Ну, завтра не миновать. Приготовимся. Пусть посмеют сбавить из поведения!

А какая она чудная женщина! Меня к ней так и тянет.

3 ноября

Свершилось! Было-таки объяснение с директором, и довольно знаменательное. Вчера, только что сели за уроки – зовут меня. Являюсь.

В кабинете тишина, полумрак. На столе рабочая лампа под зеленым абажуром. Господин директор сидит и пишет.

Поклон с моей стороны и ноль внимания с его стороны. Стою четверть часа, полчаса. Наконец, изволит обратить на меня внимание.

– Устали стоять?

– Нет.

– Ну, стойте еще.

Стою еще. Минут через десять опять спрашивает:

– Устали? Отвечаю: нет.

– Ну, постойте еще.

Стою, смотрю на старческий профиль с согнутым носом, большим дряблым подбородком, бесцветным пухом на голове – и думаю: ладно, это посмотрим, ты ли пересидишь, я ли перестою. Минут через двадцать поднимается директор, подходит ко мне и смотрит, прищурившись. Смотрю и я.

– Вчера вы ушли из театра в город...

– Да, ушел.

Он этого не ожидал. Помолчав, спросил:

– А куда вы ходили?

– Позвольте не отвечать.

– Я требую ответа.

– Не могу вам ответить.

– Я вас вдвойне накажу!

– Воля ваша.

– Знаю без вас!

– Виноват, что напомнил.

– Вы дерзости говорите! Я сам скажу, куда вы ходили:
в винный погреб! Да или нет?

– Нет.

– Ну, в гостиницу?

– Нет.

Молчание. Господин директор сопит, значит, гневается.
Быть крику, думаю. Однако вместо того спрашивает другим
тоном:

– Полноте дурачиться: где вы были?

– В театре.

– Да ведь вы сами признались, что уходили!

– Но ведь меня не поймали... а здесь я говорю с вами один
на один.

– А, так вот как! Ступайте. Будете наказаны.

Кланяюсь с некоторым недоумением, почему так легко от-
делался? – и собираюсь уйти.

От двери директор меня возвращает.

– Да, постойте-ка, я забыл: восемнадцатого у нас акт: я же-
лаю устроить литературно-музыкальный вечер. Прорепети-
руйте с большими, приготовьте маленьких. И вообще все
устройте. Будет губернатор.

А! Понимаем, в чем дело. Состроил кислую мину и отвечаю, что никак не могу заняться этим, ибо чувствую себя нездоровым.

Директор пристально посмотрел на меня.

– Вы еще больше будете наказаны.

– Воля ваша... Я только прошу избавить меня от чести устраивать вечер: я нездоров.

Директор отвернулся и прошелся несколько раз по комнате. Жду.

– Я на этот раз щажу вас: вы не будете наказаны. Но чтобы вперед это не повторялось! Слышите? А теперь отправляйтесь и устраивайте все к вечеру. Пойдите, вот вам инструкции...

Мы мирно обсудили подробности концерта и бала. Я настаивал, чтобы была духовая музыка для танцев. А что до угощения... берегись, казенная кошма! Не пожалею тебя для пансионеров! Будете иметь, друзья, вдоволь мороженого и конфет! Велено в казенных санях ехать за провизией.

Николай Александрович с кузинами непременно будут. А Томилина? Хорошо бы ее без мужа... Непременно Томилину... Иначе и устраивать не стану.

Когда все было определено, мой «шеф» милостиво отпустил меня, прибавив:

– Я выбираю всегда вас, Карышев, потому что я знаю, что вы коновод в классе, имеете влияние... И я должен вам прямо сказать (хотя ваше поведение и не примерное), что я этим

обстоятельством доволен. Ваше влияние на класс не может быть дурным: вы уважаете внутренне ваше начальство, вы из хорошего круга (я имел честь быть вчера представленным вашей тетке, графине Ш., мы говорили о вас), ваши идеи не имеют ничего общего с теми растлевающими идеями грубого либерализма, которые в настоящее время – язва гимназической молодежи...

Молча и с благодарностью поклонился, хотя был огорчен. Вот тебе на! Все был либералом и одобряли, теперь оказываюсь не либералом – тоже одобряют. Что же я такое? Либерал или нет? Думаю, просто человек со здравым смыслом. А там называйте, как хотите. Что ж, я либерал...

Томилина нейдет с ума. Славная женщина! Рот у нее красивый: бледный и свежий.

25 ноября

Едва приходим в себя. Уроки страшно запустили. Вот так бал был! Показал я себя. Ведь я последний раз хозяином на балу. Через полгода я – вольная птица. И денег же я просадил! Семьдесят пять рублей на одни конфеты. Мороженого на сорок семь рублей – ешь, не хочу! Лимонадов, оршадов и т. п. дряни на восемнадцать с копейками. Печенья к чаю два пуда. Директор в ужасе. «Да вы с ума сошли?» Нечего, дядя, платить нужно. Кути, пансионеры, ничего не пожалел!

Концертное отделение тоже вышло на славу. Вот читали похуже, ну да нельзя же все. Губернаторская семья была пол-

ностью... И Томилина была. Муж, слава Богу, не приехал. Мне, благодаря моей роли хозяина, нельзя было много танцевать, но и она мало танцевала; пробегая по зале, я видел ее в уголку, разговаривающую с Сашей Елисеевым. Не похоже, чтобы он был в нее влюблен. Да и я, в сущности, не влюблен. Она мне нравится, кажется изящной, не похожей на других дам, хотя почти все красивее ее. Чаплин, который отличается беспощадной резкостью и определенностью суждений, отрезал, когда я указал ему на Томилину:

– Рожа и доска!

Чаплин глубоко чужд всему изящному. Горничные ему нравятся куда больше барышень. Ухаживает, как медведь, за Нютой Смоковниковой, которая, действительно, на барышню не похожа: толстая, красная, ядреная...

Хотя на этот раз мне почудилось, что он не совсем искренен...

Томилина мне нравится, но не знаю, продолжать ли ухаживать за нею. Как будто и не стоит. Я не скрываю от себя, что я мало сталкивался с подобными женщинами и неопытен. Во всяком случае, нужно много времени, а времени у меня нет. Она сказала мне, что говорит со мною с удовольствием и с трудом вспоминает, что я только гимназист восьмого класса. Я не горжусь, что я развит более моих товарищей: это естественно.

А ухаживать теперь... не знаю. Не то у меня на уме. Она рассказала, что муж переводится в Москву. А я, кажется, со-

вершенно решил ехать именно в московский университет. На математический. Славная, точная наука! Чапе и Пудик тоже едут в Москву и родственников у них там – никого. Будут, значит, вместе жить. У меня в Москве тетушек хоть пруд пруди, но – ни за какие коврижки не поселюсь ни у одной! Самостоятельность прежде всего. Может быть, поселюсь с Чапе и Пудиком. О карьере пока думать не хочу. Моя звезда и мой характер меня не обманут. А время есть.

Авось там, в Москве, когда я уже буду более самостоятельным человеком, чем теперь, мы встретимся и с Томилиной. А теперь – *mes hommages, madame!*⁶ Необходимо повторить бином Ньютона. Некогда. Елисейев, мечтающий о небесных миндалях, прескверно знает математику. Яша тоже. Но ему, Божьему человеку, все прощается. На что будущему священнику математика?

1 марта 90 г.

Случайно открыл, что Елисейев пишет стихи. И что тут скрывать? Я сам пишу стихи. Все товарищи знают, что я пишу стихи. Иногда эпиграммы, а иногда и серьезное. У меня большая легкость в писании стихов. Я тут же, в дневнике, между прочим, могу написать стихотворение. Попробую.

Когда в минуту роковую
Участья просишь со слезой,

⁶ мое почтение, мадам! (*фр.*).

И видишь лишь насмешку злую
И взгляд холодный и немой,
Когда бессонными ночами
Ты плачешь о семье родной, –
На небо скорбными очами
Взгляни, – помолимся с тобой!

Я, конечно, не из религиозных, но понимаю, что в поэзии допустимы слова: молитва, небеса и другие. Мои стихи многим в классе нравятся. Я нарочно пошел читать их Елисееву, чтобы вызвать его на то же. Он выслушал и ничего не сказал. Не болтливый мальчик! Тогда я прямо спросил, какое его мнение и не прочтет ли он что-нибудь из своего.

Он поморщился и сказал, что не любит читать своих стихов, потому что они будто бы ему одному только и понятны, да и не ему, в сущности, принадлежат, а переводы с французского. Про мои же стихи сказал, что они, вероятно, хороши, но так не похожи на его стихи, что он и судить точно не может.

Когда я настаивал, он прочел мне с неохотой одно стихотворение. Что за дичь! Я, действительно, мало понял. Он достал французскую книжонку и показал мне текст. Я знаю недурно по-французски, но должен признаться, что смысла и тут не понял. Да уж есть ли он, смысл?

– Зачем вы переводите такую дичь? – спросил я его. – У вас стих, кажется, хорош, почему же не выбрать для перевода что-нибудь настоящее, Мюссе, например... да мало ли? И

откуда вы достали эту книжку?

– Я просил мать выписывать мне из Парижа новых поэтов без исключения, – на имя Николая Александровича. Меня заинтересовало, а многое – вот и это стихотворение – мне очень нравится.

– Нравится? Что же вам тут нравится?

– А вот послушайте.

Он мне опять прочел это же стихотворение и прескверно прочел, как-то в нос и с пресмешными переливами.

– Слышите, какие звуки? Совсем музыка. Звучит, оно, правда, недурно.

– Так что же? – спросил я. – Ну, это так. А все ж я не понимаю.

– Чего вы не понимаете?

– В каждом стихотворении должна быть идея. Тут же я не вижу ни малейшей идеи.

Елисеев криво усмехнулся и сказал, что, по его мнению, можно и без идеи, ежели красиво звучит. Благодарю, не ожидал! Это что-то новенькое! Я пожал плечами и не захотел начинать спора. Однако, чтобы иметь определенное понятие, решил ознакомиться с замысловатым французским поэтом и попросил у Елисеева ненадолго книжечку. Читал-читал вечером – одурь взяла. Ничего не понял. Ну его к шуту! Сбрендивший какой-то... Елисеева мне стало даже слегка жалко. Недолго и свихнуться, особенно при его нелюдимости. Я и раньше замечал, что у него дикие глаза.

А между тем весьма начитанный по литературе человек. Оказывается, он массу книг получает через Николая Александровича (в пансионе цензура-то строговатая). А я и не знал. Надо будет заимствоваться от поры до времени. С этими пансионскими делами, право, забудешь окончательно, что и на свете творится. Ничего, скоро конец! Отворятся ворота жизни!

Да! Томилина давным-давно уехала. Но о ней потом.

9 апреля

Не пишется. Тоска и тоска. Удери в город, хотя за мною и присматривают. Да что в городе? Если б Томилина была... Давно она уехала, а я ее не забыл. С Елисеевым прошлый раз о ней вспоминали, он даже разговорился. Не хвалить ее – он никого не хвалит – но признает, что есть привлекательность. Я даже решился спросить его, почему она вышла замуж за такого субъекта. Вот уж не пара!

Елисеев посмотрел на меня.

– Зачем женщины выходят замуж? Влюбилась.

– Да вот это-то мне и непонятно. Ведь довольно умная женщина, интересная, что она могла найти в этом грубом солдафоне? Ведь на физиономии написано: тупица и зверь.

– Это ничему не мешает. Что обыкновенно женщины находят в мужчине? Я говорю, что она влюбилась. Это естественно. Для этого совсем не нужно ему быть изящным, умницей. Ну и прекрасно. Не прекрасно то, что она вышла за-

муж, то есть связала жизнь с жизнью человека, ей душевно совсем чуждого. Влюбленность для того и является, чтобы пройти, в этом весь ее смысл, что она пройдет. Не глупо ли приколачивать ее гвоздями за одежду? Она оставит одежду и все равно уйдет. И будет то, что теперь у Сони: стыд и страдание. Прикована к трупу.

– А что же ей было делать? Побеждать влюбленность? Да если она думала, что любит?

– Любит! Вот это-то и печаль. Я, знаете, не верю в женский ум. А побеждать влюбленность? Зачем? Если была настоящая влюбленность, значит, была красота, а красоту никому намеренно убивать не следует.

– То есть, вы хотели бы, говоря попросту, чтобы Софья Васильевна поступила безнравственно?

– Как безнравственно?

– Чтобы она отдалась этому господину без брака? – продолжал я, уже начиная горячиться.

– Почему же это безнравственно?

Я посмотрел на Елисеева молча. И потом прибавил только:

– Софья Васильевна разделяет ваш взгляд на вещи?

– К несчастью, нет.

– Почему «к несчастью»? Вы так уверены, что смотрите правильно?

– Да, я привык быть уверенным в истине того, что я утверждаю, – холодно ответил он, глядя на меня в упор своими

черными, слишком выпуклыми глазами.

Странный человек Елисеев! Иногда мне кажется, что он готов мне сказать дерзость, но тотчас же я вижу, что это не так. И в душе не могу обижаться на него, точно он больной. А между тем он мне кажется умнее всех в классе. Мне хотелось бы вызвать его на доверие. Он ужасно скрытен и холоден. Вчера, впрочем, я слышал, как он разговаривал с Яшей о Боге. Хотел вмешаться, да жаль было их прерывать. Яша о монастырях, о послушании, о веригах, о Троеручице, – а Елисеев в чистейшую метафизику въехал и, признаться, я и не разобрал хорошенько, что он доказывает. Начитанный малый. Но страннее всего, что они с Яшей так спорили, будто в главном согласны и не обсудили только мелочей. А я готов был голову дать на отсечение, что они даже и понять друг друга не могут.

11 апреля

Елисеев болен. Как-то он справится с экзаменами! Я ходил к нему в больницу. Кажется, ничего серьезного, нервное сердцебиение. Но я давно заметил, что он не крепкого здоровья, несмотря на полноту. Он бледен, с желтизной на висках, у него часто болит спина или печень, силы нет совсем. Мне жаль этого молоденького старичка. Он не знает, какое наслаждение чувствовать молодую бодрость в здоровом теле, силу и упругость мускулов. Он ненавидит гимнастику, а я ее обожаю. И что из него выйдет, что ему предстоит с

его непрактичностью, презрительно-холодной скрытностью и любовью к диким стихам? Он тоже и ломается много. Мы беседовали с ним опять о Томилиной. Признаю, что он женщин знает лучше меня. Ну, да мое все впереди.

– Я Сониной душой никогда не интересовался, – сказал мне Елисеев с некоторым цинизмом. – Знаете, женскую душу создать нужно, чтобы она была. Создать душу женщины можно только полюбив, а я Соню не любил. Я старше вас, мне уже двадцать один год, но я никогда не любил. И не буду любить. Я слишком люблю другое.

Он умолк, и я не спросил, что это «другое», что он любит.

– Насколько я могу судить, – продолжал он опять, – Соня удивительная женщина. Я не знаю ни одной женской черты, хорошей или дурной, которая бы в ней отсутствовала. И это привлекает.

Мне не очень понравилось суждение Елисеева о женской душе. Я не люблю цинизма. Когда я думаю об этом предмете, я всегда прихожу к заключению, что женщина прежде всего равноправный человек. Я смело могу себя назвать либералом в этом отношении.

Конечно, практическая жизнь часто совершенно не то, что теории, составленные лишь на основании логических данных, в практической жизни могут быть отступления, и даже отступлений больше...

А недаром я писал, что Томила вся – женственна. В сущности, я даже быстрее все схватываю, чем Елисеев.

С Томилиной мы так расстались, что я твердо верю в нашу встречу. Не знаю где, когда и как, но встреча будет. Ей должны нравиться такие люди, как я, неизмеримо больше Елисеевых. Да, с кузенком они, кажется, сильно *au froid*⁷. По крайней мере, он к ней глубоко равнодушен, даже почти презрителен, как ко всем. И отчего эта его презрительность не оскорбительна? Верно, потому, что он несчастен и болен.

12 апреля

Сильно готовимся к русскому. Какая-то будет тема? После обеда жестоко спорили о профессиях.

Чаплин объявил, что идет на филологический, а по окончании уедет в деревню, учителем. Ну, для этого не стоит возиться с университетом: в сельские учителя берут прямо из гимназии. Чаплин утверждает, что, чем шире собственное образование, тем легче просвещать темную массу, младших братьев, и что это единственное дело, которому порядочный человек в настоящее время может посвятить жизнь.

Необходимо поднять средний уровень. В русском народе – непочатые силы, источники жизни. Нужно только буравить почву. О хлебе, только о хлебе насущном надо думать. Надо идти бойцом на арену жизни – и покинуть ее победителем. Жизнь есть разумная работа и хлеб! И каждый имеет свое, равное с другим, право на работу и на хлеб!

Чаплин разгорячился и был похож на проповедника. Я хо-

⁷ сдержанны (фр.).

тел возразить ему тут же, но меня перебил Яша. Он, задыхаясь от волнения, проговорил:

– Напрасно ты, Чаплин, считаешь себя непогрешимым. Что такое твое образование, поднятие среднего умственного уровня? Выучишь крестьянина читать, писать – прекрасно. А для чего ты хочешь его выучить? Ведь не для того, чтобы он Евангелие читал – нет? А чтобы он соображал, вернее, проверял счета, чтобы ему легче было этот твой хлеб добывать. А сказано: «Не о хлебе едином будет жив человек». На что ему твой хлеб, ежели душа у него...

Чаплин прервал Яшу, пожав плечами:

– Я с богословами не спорю, – сказал он презрительно. – Текстов никогда не запоминал. Поди, заботься о душе Петра Сидорова, когда у него хлеб полгода с мякиной, да с ноября углы в избе промерзают! Ты мне еще докажи да так, чтоб какая-нибудь возможность была поверить, – существование души докажи!

У Яши откуда только прыть взялась. Сцепились, кричали, кричали, – охрипли оба, а толку никакого. Еще бы, этикие проповедают крайности! Чтобы их немного примирить, показать, что в крайностях нет истины, – я начал говорить сам. Говорю я легко и, кажется, красиво. По-моему, Чаплин во многом прав. Образование, как свет, необходимо; дорога, которую избирает для себя Чаплин, – благородна, но я допускаю, что можно приносить людям пользу и другими способами, кто к чему способен. Я не пойду пахать; я гораздо

больше принесу пользы меньшей братии, если я даже посвящу себе книжной науке или, например, буду ученым техником, химиком... Польза может быть и без непосредственного соприкосновения с народом. В настоящее время, конечно, главное внимание должно быть обращено на материальное благосостояние людей. Но, расширяя для этого общее образование, мы тем самым неизбежно будем влиять и на развитие народа в нравственном отношении. Предрассудки, суеверия, темные предания, – все это исчезнет. С дальнейшим развитием культуры возможно, что исчезнет и всякий мистицизм в том патриархальном виде, в котором существует теперь, но человеку, на известной ступени прогресса, может быть и не нужен никакой мистицизм. Все это покажет будущее, теперь же надо выбирать профессию по склонности, внимая голосу разума, считаясь со всеми соображениями, с требованиями жизни. Но духовные потребности человека крайне важны, и, прежде всего, аристократия и некоторое неравенство должны существовать. Я думал, что мои доводы успокоят их, они были логичны и ясны. Но, к удивлению, моя речь разбесила спорщиков до крайности. Яша, чуть не плача, проговорил, что никогда он не считал меня за такого грубого материалиста и либерала, что я настоящий «красный» и хуже Чаплина. Чаплин же угрюмо, глядя на меня исподлобья, обозвал меня «карьеристом на подкладке ханжи». Мы с ним, конечно, посчитались. Но – извольте радоваться! Думал примирить обоих – и ни одному не угодил. Печаль-

но, хотя отчасти и смешно. Жизнь покажет, кто из нас прав, господа! А пока я полагаю, что ни Чаплин, ни Яша просто не обладают гибкостью ума.

Мне с двух сторон попало, я ждал, что за меня заступится Елисеев, но он так и не подал голоса, хотя все время сидел и слушал. Иногда я думаю попросту, что вовсе его молчание не скрывает в себе кладезя премудрости, как он хочет показать.

Экзамены прямо на носу. Я не боюсь. И предметы мне знакомы, да и везет мне всегда неизменно. Можно сказать, что удача преследует меня. А здоровое соображение вместе с удачей, – что нужно еще человеку?

Поживем, проживем!

Москва. 25 августа

Я третий день в первопрестольной. Итак – свершилось! Я – студент университета, и старейшего университета. Товарищи в восторге, я тоже... хотя восторг мой несколько иной, не знаю даже, восторг ли это. Было два дня – тотчас после получения аттестата – когда я был беспричинно рад. Но эта животная радость прошла, я опять спокоен и объективно, даже скептически смотрю на все. Мой скептицизм мне во многом помогает, хотя, надо сказать правду, порою и отравляет минуты, которые могли бы быть счастливыми.

Не спорю, – я рад. Рад, что вступаю на более самостоятельный путь, избираю занятие по своему вкусу, рад свободе. Я подчиняю свою волю университетским властям, но подчи-

няю сознательно, добровольно, *sua sponte*⁸, как скажет классик.

Нас четверо, все четверо мы поселились вместе. Квартиру – две небольшие и, главное, недорогие комнатки – нашли на Малой Бронной, около Тверского бульвара. Бронные, Козли-ха – излюбленный студенческий квартал. Отсюда все близко, да и дешево здесь. И днем, и ночью тут видны студенты. Днем трезвые, вечером подгулявшие толкуются по улицам. Живут и не тужат, что могут быть дни, когда в кармане останется пять копеек: две на колбасу и три на булку. Недалеко тут и «Италия» – студенческий ресторан. Оттуда частенько выходит целая компания и идет на бульвар, распевая:

Есть в столице Москве...

Городовой сторонится и молчит. Около «Италии» городские бессильны, тут студенты хозяева.

Однако я еще не сказал, кто мои товарищи. На математический факультет со мною поступил только Володя Пудик, славный малый, хотя и недалекий. Чаплин, конечно, пошел на филологический. Четвертый же наш сожител... Нет, кто бы это мог думать! Четвертый студент нашего общежития – Яша! Он так и не пошел в духовную академию. И курьезнее всего, что он – юрист. Мы часто дразним его, расспрашивая, как он относится к завету «не судите, да не судимы

⁸ по собственному побуждению (*лат.*).

будете», – но он отшучивается и уверяет, что пошел в университет только по желанию матери, а что в глубине души он все тот же.

Он действительно все тот же. Он, как говорили злые языки, еще гимназистом был влюблен в горничную директора. А теперь, я замечаю, он умильно посматривает на нашу хозяйку, Полину, прелестную небожительницу, по ошибке попавшую в Москву, вместо небес. Вот дивное существо! Сорокалетняя вдова какого-то подпоручика, коротконожка, короткоручка, с подмазанными дряблыми щеками. Пыхтит, как паровик, томничает и через Яшину голову делает мне глазки. Воображает, что может понравиться!

28 августа

Москва, как город, не произвела на меня впечатления. Грязновата и совсем не грандиозна. Ехали мы поступать в святилище науки со страхом и трепетом; выполнив формальности, вступили в университет, благоговейно посмотрели на аудиторию – и до пятого сентября свободны. Что делать. Ну, устроились, заказали одежду... Получили вид на жительство, – что же делать?

Конечно, компанией, *au bon courage*⁹, все отправились вечером... Это путешествие приобрело такое же право гражданства для всех поступающих студентов, как и форма, обязательная ныне для всех.

⁹ навеселе (*фр*).

В течение одного дня – такие крайности: утром идейные разговоры и тому подобное, а вечером... Бесшабашные оргии сменили речи о личных надеждах, и это как-то незаметно, будто одно вытекает логически из другого...

Мне стало больно за товарищей, и я, при первой возможности, удрал.

Не хочется ни с кем делиться мыслями. Думы про себя тяжелы, но я к этому привык. Пусть бумага будет моим единственным другом. А для других я – веселый товарищ, удалой повеса Юрий Карышев, ловлю моменты... Чем глубже человек, тем более он одинок и скрытен.

1 сентября

Познакомились с дальним родственником Яши. Некто Линеv. Лет ему тридцать пять, холост, живет с мамашей, служит у купцов. Сам высок, ходит развинченной походкой, все лицо в веснушках, небольшая, круглая, рыжая борода. Чрезвычайно много говорит о литературе и утверждает, что никого не любит так, как студентов. Обворожил всех наших любезностью. Скоро они увлеклись человеком, которого видят в первый раз. Очень довольны знакомством, а я – я должен быть доволен, на то я товарищ... хотя я и не привык водить компанию с приказчиками да «бухгалтерами».

Линеv предложил, между прочим, устраивать литературные вечера: чтение и мнения о прочитанном. Это дельно. Посмотрим, что выйдет.

3 сентября

Ну и отличился наш «дядюшка» – так все наши, кроме меня, зовут Линева. И на первом же литературном вечере! Канта смешал с Кантом – и верить не хотел, что ошибается. Но у него оказался Кант, – и я его ткнул носом. А ведь корчит какого знатока литературы и философии! В общем, вечер прошел мило. Много спорили, кто как умел, горячо. «Дядюшка» юлил до чрезвычайности. Его старший брат, женатый, он живет отдельно, совсем из купеческого звания, молчаливый, заросший, обрюзгший. За ужином «дядюшка» вызывал намерение подпоить всех, – почти успел. Кончилось тем, что после разговоров о Тургеневе, Гоголе, Белинском отправились... «Дядюшка» в роли ментора. Он там свой человек. Это по его части. А ведь корчит либерала!

Мы, молодежь, еще не питавшая в себя житейской мерзости, можем говорить о равенстве и братстве и так третировать то, что поэты называют «венцом создания» – женщин! Говорить о высоком назначении женщины и через полчаса ехать к женщинам, которые потеряли образ человеческий! Петь рядом с ними «Gaudeamus», эту чудную песнь? Фу, мерзость!

Или у нас, студентов, слова будут идти врозь с делом? Я опять незаметно удрал и от «дядюшки» и от всей компании.

4 сентября

Слава Богу, завтра начинаются лекции. Какую жизнь мы ведем! Встаем в час, карты, карты, бесконечный винт, вечером. Тверской бульвар, Соболя или «дядюшка», а то и все вместе. Особенно карты осточертели: ведь в них втягиваешься.

Хозяйка наша Полина решительно делает мне авансы. Ах ты коротышка столетняя! Скажите пожалуйста! И что она во мне для себя нашла? Неужели молодость до такой степени непобедимо обаятельна?

5 сентября

Был на лекциях... и ровно ничего не понял, кроме вступительной речи профессора. Аудитории огромные, после гимназии все как-то странно... Сел, кругом незнакомые лица, друг друга сторонятся. Держатся отдельными кружками по гимназиям.

Если так будут читать, то лучше не ходить на лекции. Все это не то, я не того ожидал. Слишком просто. Благодаря простоте исчезает взгляд на университет, как на храм науки. Неужели это пустое слово?

А общество братьев-студентов, о котором мечталось в гимназии?

Разочарованы мы все. Об университете у нас сложилось грандиозное представление. Дома, сегодня вечером, мы молчим, но каждый знает, что у другого на душе.

16 сентября

Начинаю мало-помалу привыкать записывать за профессорами. Решили с Володей разбирать записи в тот же день. Остальные из нашей колонии делают так же. Пока позабыли все, кроме лекций. Вечерами пьем чай по пяти часов и читаем свои предметы.

Порой приходит Махметка, старый студент. Он все посмеивается. «Ненадолго, – говорит, – ваше усердие».

Не верится. Сегодня уговаривал отправиться в театр «Салон» – не пошли. Никуда не ходим. И «дядюшку» забыли.

На курсе начинаем знакомиться. Какая масса публики. Войдешь в аудиторию – шум, гам, толки самые разнообразные. Из профессоров мне нравится особенно Ц. Говорит свободно, увлекательно, при этом толково и дельно.

1 октября

Большие дебаты по поводу издания лекций. Конечно, нужно издавать! Не на все же ходить. Я уж и так решил не ходить на богословие, например. Скорее потом один по книге просмотришь.

На первой лекции Ц., в вступительной речи, громил тех, кто избирает математический факультет как переходную ступень для поступления в технические училища. Он не прав: человек ищет, где лучше.

11 октября

Нет возможности ходить на все лекции. Да и никто не ходит. Только физика и полна; – гроза университета – Одно-годов заставляет ходить всех, потому что не издает лекций. Горе!

По вечерам еще занимаемся, хотя пыль остывает в страшной прогрессии.

2 января 91 г.

Сколько времени прошло! Много перемен, много пережито. Однако надо же восстановить хронику. За это время я так вырос, окреп, узнал жизнь и людей, что, когда я вспоминаю мальчика, приехавшего из провинциальной гимназии полгода тому назад, – мне делается чуть-чуть смешно. Хотя, конечно, у меня и тогда было много здравого смысла, но опыт великая вещь. Например, относительно женщин... Конечно, они не могут и не будут никогда играть большой роли в моей жизни, но все-таки надо знать *a quoi s'en tenir*¹⁰

¹⁰ как к этому относиться (*фр.*).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.